

АНТРАКТЪ

№

35

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна годовому изданію (по №№), съ доставкой на домъ, въ Москвѣ—2 руб. 50 коп. сер.; посылочному—1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца—1 руб. 50 коп. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію—1 руб. 50 коп. сер. Подписка отъ иногороднихъ принимается только голыми и за пересылку въ другіе пороги назначается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается еженедѣльно, отъ 8 часовъ утра до 6 часовъ вечера, въ которыхъ типографія издаетъ свои мѣсячные театральн. (Т. Рису), у Миллионныхъ воротъ, въ домъ Войнова, а также въ книжныхъ лавкахъ общаго московскихъ театровъ, въ московскомъ почтамтѣ и въ книжномъ магазинѣ Саломыхъ на Никольской улицѣ.

СОДЕРЖАНИЕ: Московскій театръ (Балетные спектакли въ прошедшемъ августѣ).—Во время терроризма, театральныя тизиды 1789, 1795 и 1798 и., Теодора Гильоти.—Письмо къ редактору, Старши театралю.—Смѣсь (Писем. Новости петербургскаго театра. Китайскіе актеры. Петербургскія Консерваторія. Русская опера въ Кіевѣ. Увеселенія въ Варшавѣ. Г. Чернышевъ. Смерть тореадора).

МОСКОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

(Балетные спектакли въ прошедшемъ августѣ).

Большой театръ, послѣ успенскаго поста, открылся 16 августа балетомъ *Фаустъ*. Балетъ этотъ уже пять лѣтъ играется на нашей сценѣ и мнѣ бы нечего было говорить и объ его представленіи 16 августа. если бы, какъ нѣ представлевія этого балета, такъ и другихъ балетовъ, шедшихъ послѣ поста, не было явленія, на которое, по моему мнѣнію, стоить обратить вниманіе: я говорю о выкидываніи разныхъ мѣстъ в измѣненіяхъ къ худшему въ постановкѣ противъ первыхъ представлений. Такъ, въ балетѣ *Фаустъ* прежде можно было съ большою похвалою отвести о мгновенной перемѣнѣ разрушеннаго замка въ замокъ цвѣтушій; въ былое время эта перемѣна совершалась такъ мгновенно, что нельзя было рассмотреть, какъ она дѣлалась. Въ спектаклѣ же 16 августа задній занавѣсъ, представившій разрушенный замокъ, опустился такъ медленно, что вся заловина пропала. Вѣ, бывшия времена на верхнихъ террасахъ замка были фонтаны; въ спектаклѣ же 16 августа фонтаны эти стояли совершенно спокойными; вода въ нихъ не казалась текущою, какъ въ бывшихъ представленіяхъ. Еще прежде спектакля 16 августа въ той картинѣ, о которой я говорю, былъ выброшенъ довольно педурпой эффектъ. Въ былое время у боковыхъ кулисъ лежали обломки разныхъ камней, колоннъ, статуй, а когда развалившійся замокъ превращался въ цвѣтушій, обломки эти превращались въ вазы съ цвѣтами. Теперь этого нѣтъ;—почему—не знаю. Вѣротно потому же, почему теперь и Дѣвиръ въ 3-мъ актѣ *Аскольдовой Мопилы* не течетъ, какъ онъ текъ прежде. А почему въ 3-мъ актѣ *Аскольдовой Мопилы* Дѣвиръ не течетъ, какъ прежде—я тоже не знаю.

Далѣе, въ *Фаустѣ*, теперь выкидывается цѣлая картина—въ комнатѣ Маргариты, когда ее искушаютъ семь смертныхъ грѣховъ. Что касается до меня, то я, признаюсь, не тушу объ этой выкидкѣ. Эта картина почти цѣликомъ заимствована авторомъ балета *Фаустъ*, Перро, у Мазилье, изъ его балета *Орфи* (такъ что, при постановкѣ этого послѣдняго балета на московской сценѣ, принуждены были измѣнить искушеніе Орфы семью смерт-

ными грѣхами, чтобы избѣжать повторенія). Почти вовсе несвязанная съ главнымъ дѣйствіемъ балета, она между тѣмъ значительно его растягивала, а онъ и безъ того длиненъ; поэтому выкидка этой картины, пожалуй, служитъ и въ пользу балета, во только зачѣмъ не печатается теперь на афишахъ, какъ печаталось прежде, что идетъ не цѣлый балетъ, а только такія то его акты?

Въ балетѣ *Нава и Рыбакъ*, шедшемъ въ бенефисъ помощника балетмейстера, Манохова, 21-го августа, тоже былъ приготовленъ сюрпризъ въ подобномъ же родѣ: фонтанъ постоянной воды, бывший постоянно въ послѣдней картинѣ этого балета, въ бенефисъ г. Манохова вовсе не билъ, да и огни, горѣвшіе въ апотеозѣ въ былое время, на этотъ разъ не были зажжены. Не мое дѣло донскиваться, почему это сдѣлано, кто виноватъ въ этомъ; мое дѣло заявить только фактъ и сказать, что этотъ фактъ, какъ неприятель для публики, такъ вреденъ и для самаго балета.

Кстати о бенефисѣ г. Манохова. Кромѣ исчезновенія фонтана, бенефисъ этотъ не принесъ никакой новости. Конечно, отъ балетнаго бенефисанта нельзя требовать, чтобы онъ далъ неизмѣнно новый балетъ; постановка новаго балета стоитъ дорого и новыхъ балетовъ обыкновенно дается не болѣе одного, двухъ въ годъ; но отъ бенефиса помощника балетмейстера можно было бы ожидать хоть какого нибудь новаго танца, а то всѣ танцы, даже въ дивертисментѣ, были старые, не разъ уже видѣнные публикою.

По поводу представленія балета *Два гора*, бывшаго 26 августа, нельзя не попенять за пропускъ двухъ картинъ въ этомъ балетѣ (*Контра, обезпечивающая имущество отъ кризиса*, и *Кузня*), пропускъ, о которомъ не было объявлено въ афишахъ. Эти картины очень ве долги и потому балета не растягиваютъ, а между тѣмъ, сами по себѣ (особенно послѣдняя, въ *Кузнѣ*) довольно забавны.

Афишъ бенефиса главнаго машиниста императорскихъ московскихъ театровъ, господина Вальца, объявившаго старій балетъ *Колетъ Горбунокъ*, заставила меня задуматься и припомнить кое что изъ былаго времени. Былъ когда то машинистомъ при московскихъ театрахъ (не знаю главнымъ или не главнымъ—объ этомъ въ то время не писалось въ афишахъ)—г. Пино. Онъ обыкновенно имѣлъ въ свой бенефисъ живыя картины и эта

картины нередко заключали въ себѣ какой нибудь особенный интересъ для публики. Такъ, разъ онѣ были составлены изъ сценъ любимыхъ пѣсень, оставленныхъ тѣми самыми актерами, которые исполняли эти пѣснь, актерами, лучшими въ тогдашней труппѣ и участвовавшими на самомъ дѣлѣ въ живыхъ картинахъ, а не только фигурировавшими на афишахъ своими именами; такимъ разомъ, картины эти служили для публики пріятнымъ воспоминаніемъ во время великаго поста о пѣсняхъ, доставившихъ ей удовольствіе въ продолженіе карнавала. Въ другой разъ, публика была поражена быстротою перемѣнъ картинъ Пино. Опускался занавѣсъ надъ картиною и, послѣ весьма краткаго промежутка времени, являлась другая. Въ картинахъ же Пино публика послѣдній разъ видѣла знаменитую Фанни Эльснеръ.

Вотъ этотъ-то г. Пино въ продолженіе своей службы имѣлъ только одинъ бенефисъ, состоявшій уже не изъ живыхъ картинъ, а изъ пѣсень. И этотъ бенефисъ г-на Пино состоялъ весь изъ новыхъ пѣсень и, кромѣ того, онъ подарилъ Москву совершенною новостью; на немъ была поставлена *féerie* «*Чартовый пилюль*», а о французскихъ *féeries* москвичи, не бывшіе за границу, до тѣхъ поръ не имѣли никакого понятія. Худъ или хорошъ этотъ родъ пѣсень—вопросъ другой, по все-таки нельзя не признать было интереса за этимъ бенефисомъ Пино. Какія средства нашелъ Пино для постановки *Пилюль*, сумѣлъ ли онъ убѣдить дирекцію дать ему денегъ на расходы для постановки этого волшебства, или поставилъ онъ его на свой счетъ—не знаю, да и знать не считаю нужнымъ; для публики было довольно и того, что въ бенефисъ Пино дана была пѣса совершенно новаго рода. И надо отдать справедливость: этотъ новый родъ пѣсень, эти *féeries* Пино отрекомендовалъ публикѣ, какъ слѣдовало: онъ, по тогдашнему времени, хорошо поставилъ пѣсу, кромѣ того, поручилъ ее перевести лучшему тогдашнему переводчику, Ленскому, и заплатилъ ему за переводъ ея 500 руб. асс., гонорарій по тогдашнему времени довольно значительный. Такимъ образомъ можно смѣло сказать, что Пино *возболѣлся* о своемъ бенефисѣ.

Теперь посмотримъ, тоже ли дѣлалъ г. Вальцъ относительно своихъ бенефисовъ.

До прошлаго года бенефисы г. Вальца тоже состояли изъ живыхъ картинъ и картины эти, хотя не отличались ничѣмъ особеннымъ, все таки были лучшими изъ числа картинъ, дававшихся въ тѣ же великіе посты. Съ прошлаго года г. Вальцъ, по новому своему контракту, вмѣсто концерта съ живыми картинами, сталъ получать бенефисы, состоящіе изъ пѣсень. Еслибы Вальцъ не захотѣлъ взяться за постановку для своихъ бенефисовъ какихъ нибудь волшебныхъ пѣсень, разныхъ *Лесныхъ ланей*, *Сандрильонъ*, *Бараньянъ* и т. п., то, какъ чело-вѣку образованному и притомъ искусному машинисту, почему бы было не взяться за постановку фантастическихъ пѣсень классическаго репертуара? Мы думали увидать, на его бенефисахъ и *Бурю*, и *Сонъ о лѣтнемъ полѣ* Шекспира, и *Фауста* Гете. Видъ постановка этихъ пѣсень для машиниста-бенефицианта гораздо сподручнѣе, чѣмъ для

какого нибудь другаго бенефицианта. Но мечтамъ нашимъ не суждено было сбыться. Ну, чтожъ? Можетъ быть г. Вальцъ не приверженецъ классицизма, п мы па его бенефисахъ увидали постановки великолѣпныхъ оперъ, новыхъ балетовъ.—Ничуть не бывало. Такъ стало быть по примѣру своего предмѣстника, г. Вальцъ сталъ ставить современныя парижскія *féeries*?—И этого нѣтъ. Что же мы увидали на его бенефисахъ?—Въ прошломъ году дурную постановку шестидесятилѣтней *Днѣпровской русалки*, а въ нынѣшнемъ году одно изъ представленій балета *Колетъ-Горбунокъ*, играшаго уже не одинъ десятокъ разъ. Такъ вотъ какими новостями угощаетъ насъ г. Вальцъ на своихъ бенефисахъ!

А между тѣмъ, мы кажется, какъ бы легко было ему поставить для своего бенефиса *Бурю* Шекспира! Какъ главный машинистъ, онъ легко бы могъ принаровить къ ней и корабль изъ *Корсара*, и воздушную охоту изъ *Стрелки*, п вообще зналъ бы, что откуда взять. Немного бы денегъ потребовалось ему на новыя подѣлки для этой пѣсы, а между тѣмъ, какаа заслуга была бы со стороны бенефицианта!

Говоря о бенефисѣ г. Вальца, не могу не замѣтить, что и на его бенефисѣ было сдѣлано измѣненіе къ худшему въ постановкѣ балета. Въ картинѣ, представляющей волшебный островъ Царь-дѣвицы, потоки, текущіе со скалъ, оставались безъ движенія, а не казались текущими посредствомъ движущихся транспорантовъ, какъ при пер-выхъ представленіяхъ этого балета.

В. Р.

ВО ВРЕМЯ ТЕРРОРИЗМА.

(ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ 1789, 1793 и 1794 годовъ, ТЕОДОРА ГИЛЬЕТА *).

1.

Лабюсьеръ.

27 Марта 1789 г. театръ Французской Комедіи давалъ небольшую пѣску, возбудившую вниманіе всѣхъ любителей театра и являвшую немало шума въ Парижѣ. Пѣса эта называлась «Августъ и Теодоръ, или два нажа». Сюжетомъ этой небольшой пѣсы служилъ анекдотъ изъ жизни Фридриха Великаго; она была простой передѣлкой пѣмецкой пѣсы Энгеля.

Для этой пѣски была написана хорошая музыка Дезе-домъ; Фюръ, или котораго красовалось на афишѣ, какъ имя автора пѣсы, пользовался нѣкоторою любовью публики; исполнявшіе пѣсу, г-жи Копта старшая, Пети и Эмилія Копта, гг. Дазенкуръ и Флери, были извѣстные любимцы публики; по всему этому можно было ожидать большаго успѣха. Флери на генеральной репетиціи удивительно сходно поддѣлывалъ лицо великаго прусскаго короля, какъ утверждали всѣ, знавшіе Фридриха Великаго;

* Изъ «Deutscher Buchnen-Almanach» Энгеля на нынѣшній годъ.

а этотъ король былъ очень уважаемъ во Франціи и публика горѣла желаніемъ увидать этого побѣдителя въ столь многихъ кровавыхъ сраженіяхъ, олицетвореннаго искусствомъ актера. Кроме того, въ вечеръ 27 марта представлялся для этой пьесы еще особенный интересъ: принцъ прусскій Генрихъ, братъ Фридриха Великаго, общался посѣтить спектакль.

Все это соблагоустроило многочисленную публику передъ театромъ Французской Комедіи. Уже въ 10 часовъ утра всѣ билеты были разобраны.

За часъ до начала представленія, шелъ черезъ площадь къ заднему театральному подъѣзду актеръ Дюгазонъ, превосходный исполнитель амблуса комическихъ слугъ и шаржированныхъ характеровъ. Дюгазонъ хотѣлъ посмотреть представленіе изъ-за кулисъ. Онъ былъ уже изъ нѣсколькихъ шагахъ отъ театрального подъѣзда, какъ вдругъ кто-то дотронулся до его плеча. Комикъ обернулся и увидалъ, что передъ нимъ стоитъ, першителю опустивъ глаза и вертя въ рукахъ шляпу, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати небольше.

— Что вамъ угодно?—спросилъ Дюгазонъ.

— Я... вотъ... видите ли... — пробормоталъ молодой человѣкъ. — Простите мнѣ мою смѣлость. Я большой, страстный любитель театра и мнѣ бы очень хотѣлось увидать сегодняшнее представленіе.

— Но вы сами видите, что это невозможно, если вы только зарпѣ не запаслись билетомъ.

— Но съ вашею протекціею...

— Милостивый государь, я не имѣю чести васъ знать. Притомъ я не имѣю никакой возможности снабдить васъ билетомъ, потому что мы, актеры Французской Комедіи, долашы довольствоваться мѣстами за кулисами.

— О, и я не думалъ беспокоить васъ объ этомъ—сказалъ молодой человѣкъ, переминаясь. — Я бы хотѣлъ только, чтобы вы сказали обо мнѣ г-жѣ Конта: можетъ быть, не дастъ ли она мнѣ какого нибудь мѣстечка хоть на колосникахъ съ театральными рабочими, или гдѣ нибудь. Вы, г. Дюгазонъ, меня не знаете, но г-жа Конта...

— Она васъ знаетъ?

— О, да; я часто... знаетъ...

— Вы вѣрно клзкеръ?—сказалъ, смѣясь, Дюгазонъ.

— О, нѣтъ

— Но что же такое? Хлопать прекрасной Конта не стыдно. Ну, пойдемте со мною.

Дюгазонъ отворилъ дверь.

— Но прежде всего, какъ ваше имя?—спросилъ онъ молодого человѣка.

— Лабюсьеръ—отпѣчалъ молодой человѣкъ.

Слѣдуя за Дюгазономъ, вошелъ онъ въ священное для него мѣсто, въ которомъ свѣтился сквозь полумракъ театральныя лампы казались ему какими-то небесными звѣздами; каждый проходившій рабочий былъ для него предметомъ удивленія и даже благополнія. Эти счастливыя ежедневно находятсѣ близко отъ всѣхъ артистовъ, отъ всѣхъ этихъ жрицъ и жрицъ въ этомъ храмѣ искусства; а онъ, бѣдный писецъ, только изрѣдка, полатившиск значительной долей своего небольшого жалованья,

или воспользовавшись покровительствомъ кого нибудь изъ служащихъ при театрѣ, можетъ любоваться ими только издали. Лабюсьеръ былъ страстный любитель театра; онъ, готовъ былъ принести ему всякую жертву и только суровая воля родителей, по предразсудку имѣвшихъ предубѣжденіе противъ актерскаго званія, удержала его отъ поступленія на сцену.

Почти дрожа, стоялъ онъ за кулисами, а Дюгазонъ, пошелъ на сцену, подошелъ къ небольшому хорошему пажу и сталъ говорить съ нимъ. Лабюсьеръ отлично зналъ наизусть афишу и ему не оставалось никакого сомнѣнія, что этотъ милый юноша былъ или была прелестная Конта въ мужскомъ костюмѣ.

— Кто такой?—спросила Конта Дюгазона.

— Да какой-то молодой человѣкъ хачетъ говорить съ вами — отвѣчалъ комикъ. — Его зовутъ Лабюсьеръ.

— А, мой поклонникъ! Онъ до безумія въ восторгѣ отъ моей игры

— Вашъ клзкеръ?

— Пожалуй.

— Но какъ же вы съ нимъ познакомились?

— Онъ раза два или три переписывалъ мнѣ роли и не бралъ денегъ.... Ну, и я и пзатила ему даровыми билетами.

— А вы знаете, что это запрещено?

— Ну, если хотите, возьмите съ меня штрафъ,—отвѣчала, смѣясь, Конта. — Но я хочу потѣшить моего энтузіаста. Онъ вѣрнко принужденъ былъ наслаждаться плохими пьесами; пусть онъ посмотритъ сегодня хорошенькую.

Конта пошла за кулисы и, подошедъ къ Лабюсьеру, сказала ему:

— Ну, милостивый государь, я велю какъ нибудь васъ помѣстить — дать вамъ мѣстечко — ну, хоть на первомъ колосникѣ. Мѣсто, конечно, не отличное, по что же дѣлать? Сегодня нельзя найти лучшаго. Громъ будетъ подлѣ васъ, а также оттуда зажигаютъ и молнію; Впрочемъ, сегодня въ пьесѣ грома и молніи не будетъ, такъ вы можете быть спокойны.

Лабюсьеръ былъ въ восхищеніи—она не отказала ему исполнить его просьбу, она сама говорила съ нимъ; она даетъ ему мѣсто, да еще гдѣ, въ самомъ средоточіи закулиснаго міра, подлѣ грома и молніи, подлѣ тѣхъ машинъ, которыя такъ часто приводили его въ удивленіе, когда онъ смотрѣлъ на ихъ дѣйствіе изъ зрительной залы. Лабюсьеръ пробормоталъ нѣсколько словъ въ благодарности, но ихъ нельзя было разобрать,—такъ его годось дрожалъ отъ волненія—и отправился вслѣдъ за рабочимъ, которому Конта поручила проводить его туда, гдѣ рождались театральные громы и молніи.

Мы не станемъ разсказывать о томъ, что представленіе прошло превосходно, имѣло большой успѣхъ, что Флеря и Конта были прекрасны, что куплеты на Фридриха Великаго и на присутствующаго принца Генриха были приняты публикою съ страстными рукоплесканіями, что принцъ былъ очень доволенъ и что на другой день отъ него получили: Флеря—драго цѣнную табакерку, Дазенкуръ—бриллиантовый перстень, а игравшія въ пьесѣ актрисы — по красному кольцу.

Все видѣнное Лабюсьеромъ привело его въ страшный восторгъ. Послѣ паденія завѣса шель опъ черезъ сцену, шагаясь, какъ пышный.

— Ну, что, довольны ли вы?—спросила его Конта, идя въ уборную и встрѣтившись съ нимъ.

— Я такъ счастливъ,—отвѣчалъ Лабюсьеръ,—что не нахожу словъ выразить. Примите же мою сердечную благодарность, а также и вы, сударь,—сказалъ онъ, обращаясь къ Дюгазону,—вы прозели меня сюда, вы были такъ добры...

— Хорошо, хорошо—прервалъ его Дюгазонъ—я очень радъ и впередъ готовъ служить вамъ...

— Можетъ быть, придетъ время и я заплачу вамъ за это одолженіе — сказалъ Лабюсьеръ рѣшительно—ну, а теперь и не въ состояніи...

— Почему знать, почему знать! — сказалъ Дюгазонъ, дѣлая ему дружескій знакъ рукою.—Я надѣюсь, что тогда вы насъ не забудете.

— Уже покончите на меня—сказалъ Лабюсьеръ, бросилъ еще взглядъ на то мѣсто, куда исчезли Конта и Пети, съ трудомъ пробрался между декорациями, приставленными къ стѣнѣ, наткнулся на Талыу, который, завернувшись въ плащъ, тоже спѣшилъ къ выходу, наконецъ вышелъ изъ театра на площадь и вздохнулъ чистымъ воздухомъ, который хоть немножко освѣжилъ его воспаленную голову.

II.

Драматическое чтеніе у Робесьера.

Прошло три года со времени представленія пьесы *Дамиса*. Надъ Франціей разразилась ужасная буря революціи. Мы переносимся теперь къ концу того времени, которое въ исторіи называется временемъ терроризма. 10 августа ворвались въ Тюльери; 2 сентября умертвили заключенныхъ: всѣ связи были разорваны; всевозможный произволъ угрожалъ жизни, имени и свободѣ каждаго; всенкій стукъ ночью возбуждалъ дрожь и ужасъ въ спящемъ; каждый взглядъ незнакомаго казался взглядомъ шпиона, который могъ довести несчастнаго до эшафота.

Само собою понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ, театры были не только мѣстомъ разгара самыхъ дикихъ страстей, но также должны были ощутить на себѣ и на ходѣ своихъ дѣлъ вліяніе этого страннаго времени. Въ то время, какъ все распалось на партіи, разорвалась также и связь, соединявшая много лѣтъ членовъ Французской Комедіи въ одно великое общество. Актеры раздѣлились на два лагеря, или на двѣ труппы. Одна изъ нихъ назвалась «Национальнымъ театромъ», другая—«Театромъ улицы Ришелье», а въ послѣдствіи «Театромъ свободы и равенства». Еще прежде этого раздѣленія вся Французская Комедія приписана была Национальному театру, но, послѣ раздѣленія, имя это осталось только за тѣми ея членами, которыхъ громко называли «аристократическій партій театръ». Актеры же улицы Ришелье были на сторонѣ, какъ говорили, системы Робесьера. Во главѣ ихъ стоялъ Талыу, котораго называли виновникомъ этого раздѣленія. Оба театра дѣлали другъ другу большую конкуренцію.

Партіи для того, чтобы распространять и готовить идеи и волненія, или для того, чтобы запугивать, нуждались въ театрахъ съ ихъ сильнымъ вліяніемъ на народъ. Не проходило дня, чтобы театры не дѣлались мѣстомъ какой-нибудь манифестаціи или политическихъ скандаловъ.

Актеры считались переводчиками и распространителями идей и это ихъ положеніе было мучительно и въ высшей степени опасно. Они должны были исполнять безпрекословно самыя плохія пьесы, произносить невѣроятныя тирады, написанныя или, лучше сказать, состряпанные какимъ-нибудь патріотомъ, или другомъ народа: одного слова неодобренія, или одного знака неудовольствія довольно было, чтобы возбудить подозрѣніе: газеты были наполнены объявленіями, дописаніями, обвиненіями; стѣны театровъ были покрыты афишами всякаго рода, въ которыхъ ясно были видны вѣщанья, личности, или клеветы, и рядомъ со всѣмъ этимъ смѣшныя выходки. На входныхъ дверяхъ театра улицы Ришелье сверху висѣлопрбитое объявленіе, покрывавшее собою почти половиную дверей. Оно заключало въ себѣ приглашеніе абонироваться на *Новый театръ и ежедневный листокъ*. «Гражданинъ, абонируйся: у этого листка теперь новый редакторъ, потому что прежній вчера сущенъ въ мѣшокъ». *Спустили въ мѣшокъ* была фраза, означавшая: казнить на гильотинѣ.

Подъ этимъ объявленіемъ висѣло объявленіе Марага: «Вчера вечеромъ директоръ театра de Gaite и одинъ изъ его актеровъ арестованы; послѣдній за то, что сдѣлалъ непозволительную выходку, а первый за то, что допустилъ такую».

Оба арестованные позволили себѣ только намекъ на Дюшепе, редактора одного скандальнаго листка.

За этимъ слѣдовало объявленіе слѣдующаго содержанія: «Гражданинъ Пли хочетъ поставить на сцену пьесу подъ заглавіемъ *Республиканецъ по частямъ*; патріоты сами приглашаются освѣтять эту драму, потому что это безсмыслица. Истинный патріотъ ни долготы имѣть никакого чувства».

А далѣе можно было прочесть:

«Я ищу людей со вкусомъ (!!), которые завтра вечеромъ, въ союзѣ со мною, прогналы бы со сцены актера «Дазенкура. Онь подозрительный гражданинъ. Гюатонъ».

За этимъ афишею слѣдовала реклама, тонъ которой все же вызывалъ на что-нибудь кривое, грозное:

«Мадамъ Букенъ изобрѣла недавно бѣлки румяна, которыхъ она рекомендуетъ дамамъ, для улучшенія кожи. «Мадамъ Букенъ уже десять лѣтъ приготовляетъ наилучшія красныя румяна, которыхъ не боятся никакаго, самаго строгаго анализа и которыхъ употребляютъ всѣ перныя актеры и актрисы, какъ въ Паряжѣ, такъ и въ провинціяхъ».

Но все-таки мадамъ Букенъ была слишкомъ смѣла, что держала въ 1792 г. называть себя *мадамъ*, говорить о дамахъ и употреблять фразу «уже 10 лѣтъ», т. е. напоминать о времени, когда господствовали старые обычаи. Но этому подлѣ этой рекламою можно было прочесть написанныя мѣломъ слѣдующія слова: «Букеншу скоро на-

руминитъ совѣтъ съ помощью Сипсова. Сапсовъ былъ парижскій палецъ, мемуары котораго недавно появились въ свѣтъ. Другое же примѣчаніе, находившееся подъ редакціою мадамъ Букетъ, гласило: «Повѣсть на фюпаръ мадамъ Букетъ».

Писанная афиша заключала въ себѣ слѣдующее объявленіе: «Завтра въ циркъ будетъ представлена комическая сцена: *какъ портитъ Роллонъ хочетъ играть на лошади*. Зрители отълично позабавятся.» Эта сцена была сатирою на Робеспиера, который очень жалѣлъ, что не умѣлъ ѣздить верхомъ, и поэтому сталъ брать уроки верховой ѣзды, но послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ сѣсть на лошадь, принужденъ былъ совершенно отказаться отъ верховой ѣзды.

При такихъ волненіяхъ, нападеніяхъ, угрозахъ и требованіяхъ, актеры давали свои представленія, не зная, удастся ли имъ доиграть пѣсню до конца, потому что нерѣдко случалось, что въ антрактѣ между двумя актами одинъ изъ нихъ арестовывался. О такомъ происшествіи режиссеръ сообщалъ публикѣ и подобное извѣщеніе принималось ею на половину съ рукоплесканіями, на половину съ свистками, смотря потому, кто сочувствовалъ аресту и кто ему не сочувствовалъ.

Но при всемъ томъ самъ конвентъ держалъ актеровъ въ чести. Они были ему часто пужвы для того, чтобы играть пѣсню для провозглашенія республики. Кроме того, многіе члены правленія въ свободныя часы занимались сочиненіемъ, драматическихъ пѣсень и дорожка ихъ хорошихъ исполненіемъ въ сценѣ, протезиропали актерамъ. Калло д'Эрбуа, самъ бывший прежде актеромъ, Камилла Демуленъ Геберъ, Тальенъ испытывали свои силы на авторскомъ поприщѣ. Рядомъ съ самыми возмутительными, переполненными всевозможными ужасами пѣснями, являлись пѣссы, воспевавшія кроткія, нѣжныя чувства пѣссы съ подобными заглавіями, какъ напр. *Улыбающаяся добродѣтель, Награда за благодѣтели души, Добрая девушка изъ Лангедока*.

Въ это кровавое время явились также совершенно новые небольшія пѣссы и между ними была играна еще и до сихъ поръ остающаяся на репертуарѣ нѣмецкихъ театровъ, и любимая публикою хорошенькая пѣсся *Это была я*, происхожденіе которой французское и которая тоже была написана во время терроризма. Она первоначально называлась *Оправданная служанка*.

Это желаніе имѣвшихъ власть въ ту эпоху блистать авторскою славою—ставило актеровъ, какъ говорятъ, довольно часто въ опасное положеніе, и эта опасность еще увеличивалась, если они осмѣливались представить пѣсню, тенденціи которой могла не понравиться конвенту. Однимъ, имѣющимъ быть разсказаннымъ, подобный случай можетъ служить примѣромъ, каковы безчисленными опасностямъ подвергались актеры въ Парижѣ во время терроризма. Въ этомъ случаѣ Лабюсьеръ тоже играетъ роль.

Большая комната въ одномъ домѣ улицы Сентъ-Оноре

въ Парижѣ. На стѣнахъ этой комнаты висятъ гравюры, представляющія сцены изъ римской исторіи. Между этими гравюрами развѣшены отдѣльные чертежи эдапій, рисунки машинъ для поднятія тяжести и т. п., а также и различные ремесленные инструменты. Комната эта принадлежитъ столяру Дюпле, другу и хозяину Робеспьера, который на этотъ день выпросилъ ее себѣ, дабы превратить ее въ салонъ. Слова эти звучатъ какъ-то странно, а между тѣмъ на дѣлѣ было такъ. Ужасный человѣкъ пригласилъ къ себѣ цѣлое общество, которое, состоя изъ самыхъ различныхъ элементовъ, должно было явиться ко двору его берлогу. Тамъ видны были художники и слѣдаты, купцы и адвокаты. Дантонъ, Герберъ съ своими женами, Барреръ, Тальенъ, Камбасересъ, были приглашены на этотъ вечеръ, большаю частью уже отмыченныя смертельною печатью, положенною на нихъ ихъ ужаснымъ хозяиномъ. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ уже половина его гостей кончила жизнь подъ рукою Сапсова. Въ углу комнаты сидѣлъ, у свѣчи одинъ изъ красивѣйшихъ мужчинъ, съ наружностью восхитительною, прекрасная модель для живописца. И этотъ красивый человѣкъ съ очаровательною наружностью былъ еще ужаснѣе, былъ еще страшнѣе, чѣмъ самъ Робеспьеръ, это былъ—Антуанъ Сентъ-Жюсть.

Всегда задумчивый, всегда что вибодъ замышляющій, Сентъ-Жюсть ожидалъ только случая, чтобы обратить вниманіе на прекрасныхъ женъ Дантона, Гербера и Демулена: гибели же ихъ мужей онъ уже рѣшилъ. Робеспьера и Камилла Демулена не было еще въ комнатѣ. Пожалуй, подумаютъ, что это собраніе было созвано для обсужденія какого вѣбодъ важнаго для республики предпріятія. Ничуть не бывало: Робеспьеръ пригласилъ къ себѣ гостей потому, что Камилла Демуленъ хотѣла причастъ папасающую имъ пѣсню. Чтобы произнести, приговоръ вѣдъ пѣсню Демулена, диктаторъ пригласилъ къ себѣ это избранное общество.

Въ срединѣ большой комнаты помѣщался художественный арсеналъ. Въ немъ можно было видѣть Тальму, Дюгазона, Монсели и г-жу Дегарсенъ, актрису «Театра свободы и равенства». Далѣе можно было видѣть пеликаго живописца Давида; нѣсколько человѣкъ въ мундирахъ національной стражи живо болтали между собою; но не должны были курить, потому что Робеспьеръ былъ врагъ табачнаго дыма и не допускалъ къ себѣ въ домъ курительной трубки.

Послѣ довольно продолжительнаго времени, въ комнату вошли Робеспьеръ и Демуленъ; ихъ сопровождало еще третье лицо. Робеспьеръ былъ одѣтъ, какъ и всегда, въ высшей степени опрятно; его кружевное жабо было превосходной работы; онъ подалъ букетъ цвѣтовъ жевѣ Гебера, подалъ къ нѣкоторымъ изъ гостей и сказалъ имъ по личному привѣтствію. Демуленъ былъ одѣтъ грязно; онъ подвинулъ къ себѣ небольшой столъ, поставилъ на него двѣ свѣчи и потомъ разложилъ на немъ свою рукопись. Третье лицо, кончившее съ Робеспьеромъ и Демуленомъ,

было настоящее страшилище. Его большую голову покрывалъ грязный платокъ, ноги были обуты въ пеньковые башмаки. небольшая, дородная фигурка была закутана въ какое-то одѣяніе, на половину похожее на сюртукъ, на половину на плащъ. Злые глаза блитали въ то время, какъ маленький, противный человечекъ говорилъ громкимъ и пронзительнымъ голосомъ. Онъ подошелъ къ Тальмѣ, посмотрѣлъ на него и, протянувъ ему свою неопытную руку, сказалъ горловымъ голосомъ:

— Добрый вечеръ, гражданинъ Тальма.

Тальма слегка вздрогнулъ, но не отъ страха, а отъ омерзѣнія. Иначе и быть не могло: онъ свою вѣжливую, аристократическую руку, которая такъ превосходно умѣла драматизировать римскую мантію въ великолѣпныя складки, которой простое движеніе оропидило часто въ восторгъ публику, долженъ былъ положить въ печистую лапу маленькаго человѣчка и при этомъ еще сказать ему:

— Добрый вечеръ, гражданинъ Маратъ.

Тальма и Маратъ! Госпожа Демулень бросила на нихъ обоихъ взглядъ, полный безконечной грусти, а Давидъ вольно покачалъ головою. Его художественное чувство было оскорблено. Ему было не понутру видѣть выѣстъ прекрасный образъ Тальмы и отвратительную фигуру Марата. Тальма непримѣтно вытеръ руку подкладкою своего платка. Онъ остался, хотя и пазывался республиканцемъ, въ истинномъ смыслѣ слова *королевскимъ* актеромъ. Между тѣмъ Робеспьеръ занялъ мѣсто между господами Демулень и Герберъ, а Камилла Демулень сѣла у стола. Началось чтеніе.

Піеса пазывалась: «Эмилія, или отомщенная невинность». Дѣло шло объ оболъщеніи хорошенькой деревенской дѣвушки.

Добродѣтели поселянъ, ихъ невинность, глубини ихъ чувствъ, авторъ изобразилъ въ рѣзкой противоположности съ пороками и развращеніемъ высшаго сословія. Совершенно въ духѣ и во вкусѣ того времени и деревенскій пасторъ былъ изображенъ самыми шрачными краснами. Мѣстами въ пісѣ были разсѣяны идиллическія описанія сельскихъ картинъ, зеленыхъ луговъ, барашковъ, прелести уединенія—и все это выходило изъ головы того человѣка, который первый воскликнулъ въ Полѣ рояль:

— Въ Бастилію! Къ оружію!

Камилла прочелъ пісу съ неподдѣльнымъ жаромъ; его звучный голосъ, симпатическій тонъ, которымъ онъ умѣлъ управлять, пламеня его собственной страсти заставляли забывать недостатки оісы, котораго дѣйствительно могла назваться посредственною. Когда авторъ дочелъ ее до конца, ее привѣтствовали рукоодежаціями, особенно актеры.

Робеспьеръ, казалось, былъ смущенъ. Онъ уже завидывая Демудеву, котораго таланты и умѣренный образъ мыслей стояли поперекъ дороги ему и Сенъ-Жюсту, и онъ хотѣлъ низвергнуть Камилла. Госпожа Демулень, которая уже тревожилась о судьбѣ мужа, съ безпокойствомъ смотрѣла на Робеспьера. Робеспьеръ всталъ. Тамъ и сямъ судили о пісѣ, наконецъ Робеспьеръ сказалъ:

— Мы хотимъ особенно знать мнѣнія о пісѣ художниковъ. Тальма, почему вы ей аплодировали?

И онъ устремилъ на трагика свой молвіеносный взглядъ. Тальма остался спокоенъ. Онъ, благодаря своему знанію человеческого сердца, очень хорошо аамѣтилъ, что Робеспьеръ не благоволилъ ни къ автору, ни къ пісѣ, но великій художникъ былъ безстрашенъ.

— Я не стану хвалить пісу безусловно—отвѣтилъ онъ и началъ разбирать пісу.—Но если вы хотите знать, гражданинъ—защитникъ народа, почему я аплодировалъ—продолжалъ онъ—то я долженъ сказать, что піса все таки мнѣ понравилась, особенно благодаря прекрасному чтенію гражданина Демулена. его тону и тому умѣнью, съ которымъ онъ памъ ее передалъ. Хорошо разыгранная, піса эта, не смотря на свои недостатки, должна сильно подѣйствовать на публику. Гражданинъ Демулень—большой талантъ! Что за голосъ! Что за тонъ!

Робеспьеръ закусилъ губы и бросилъ на Тальму свирѣпый взглядъ.

Голосъ и тонъ—въ этомъ то именно постоянно и упрекали Робеспьера; его лучшія мысли не могли ороизводить впечатлѣнія именно по недостатку выразительности въ его голосѣ и тонѣ, хотя его голосъ и не былъ вообще такъ слабъ, какъ обыкновенно думаютъ. Робеспьеръ скоро овладѣлъ собою и сказалъ:

— Второе чтеніе.

Приговоръ Тальмы подвинулъ Камилла Демулена на шагъ ближе къ эшафоту, а на актера навлекъ еще большее подозрѣніе.

Какая же была другая піса, назначенная для чтенія?

Изъ угла комнаты подошелъ къ столу человѣкъ въ мундирѣ національной стражи. Онъ развернулъ измятую рукопись и разсѣлся у стола съ большимъ спокойствіемъ.

— Это гражданинъ Дарво,—сказалъ Маратъ, вставая—канониръ въ отрядѣ Лепелегье и отличный патриотъ.

Всѣ переглянулись съ удивленіемъ, но развѣ канониръ не могъ написать порядочной пісы?

Драматическое произведеніе отличнаго патриота воспло название: «*Противореволюціонеръ, осужденный самъ собою*». Въ ней пасторъ, депутатъ и купецъ ведутъ интригу противъ республики. Дѣйствіе происходитъ въ кофейной, въ которой одному прислужнику приходитъ на мысль выдать себя за испанскаго посланника для того, чтобы такимъ образомъ проникнуть въ тайны заговорщиковъ, которыя опъ потомъ натурально передаетъ революціонному трибунаду. При этомъ надо замѣтить, что это была отвратительная піса, наполненная ужаснѣйшими неелѣстностями, и когда кончилось ее чтеніе, никто не аплодировалъ. Тогда Маратъ, думая, что страхъ, производимый имъ, заставитъ актеровъ перемѣнить ихъ мнѣніе о пісѣ, когда покровительствуемый имъ Дарво отошелъ отъ стола, сказалъ:

— Вы, граждане, кажется недовольны? Однако же ты, гражданинъ Дюгазонъ, долженъ играть роль служителя кофейной.

Дюгазонъ всталъ. Онъ находилъ пісу столь отврати-

тельною, что дрожь принимала его при мысли, что на такую роль онъ долженъ тратить свое дарованіе.

— Ну, такъ скажи же, гражданинъ,—спросилъ Маратъ съ ужасною улыбкою,—какъ понравилась тебѣ пьеса?

Великій комикъ не долженъ былъ и не хотѣлъ уступить въ мужествѣ великому трагику и, не смотря на ужасный взглядъ Марата, отвѣчалъ ему твердымъ голосомъ:

— Пьеса гражданина Дарво — вещь весьма плохая.

Маратъ прошипѣлъ что-то и отступилъ шагъ назадъ.

Большая часть присутствующихъ пришла въ ужасъ. Дюгазонъ игралъ своею жизнію. Въ это время выступилъ Дантонъ. Онъ началъ говорить своимъ звучнымъ, могучимъ голосомъ, раздававшимся всегда, какъ звуки пабата, онъ сталъ доказывать, что Дюгазонъ совершенно правъ. Геберъ сталъ его поддерживать, начались споры, въ которыхъ громко слышались пронзительный голосъ Марата, и наконецъ этотъ злой духъ воскликнулъ:

— Ну, какъ вы хотите. Пьеса Дарво будетъ играна и гражданинъ Дюгазонъ сыграетъ роль слугителя якобинной.

— Роль принадлежитъ къ моему амплуа—сказалъ Дюгазонъ—и я, по моему контракту, долженъ ее играть, но в буду ее играть противъ воли.

— Берегись, чтобы пьеса не упала — прошипѣлъ Маратъ.

Демуленъ и Дантонъ вступились за актера.

— О!—воскликнулъ Робеспьеръ—съ извѣстнаго времени вы оба всегда за одно, всегда согласны другъ съ другомъ; даже въ театральныхъ дѣлахъ вы держитесь одинаковаго мнѣнія.

При этихъ словахъ его лице приняло выраженіе смертельной ненависти. Одушевленіе и согласіе, которыхъ въ подобномъ собраніи и ожидать было трудно, были совершенно разрушены; всѣ какъ-то стали сторониться другъ отъ друга, когда Робеспьеръ велѣлъ подать лимонаду и красного вина. Дантонъ, его жена, Тальма и Дюгазонъ вместе сошли съ крыльца. На улицѣ дулъ холодный ноябрьскій вѣтеръ. Дантонъ немного озлобъ.

— Сегодня вечеромъ вы показали примѣръ, что вы можете быть героямъ не только на сценѣ — сказалъ онъ Тальмѣ. — Вы также смѣлы и въ частной жизни. Да, тутъ пужна была смѣлость, потому что Робеспьеръ противъ Демулена и его пьесы. И вы тоже, гражданинъ Дюгазонъ, показали образецъ вашего мужества. Берегитесь — Робеспьеръ еще можетъ щадить, но Маратъ хочетъ истребить пѣвца и пса. Онъ ищетъ жертвъ.

— Такъ неужели онъ долженъ найти для себя эти жертвы между членами Французской Комедіи? спросилъ Тальма. — И замѣтилъ взглядъ Робеспьера. Вы будете столь благосклонны, что позаботитесь о нашей безопасности, гражданинъ Дантонъ?

Дантонъ пожалъ руки обоимъ актерамъ, потомъ подавъ руку жепѣ и молча перешелъ на другую сторону улицы.

Когда Тальма и Дюгазонъ достигли улицы des Bons Enfans, къ нимъ подошелъ какой-то человѣкъ. Онъ снялъ шляпу и свѣтъ уличнаго фонаря упалъ на его лицо.

— Лабюсьеръ!—воскликнулъ Дюгазонъ.

— Да, это я, г. Дюгазонъ! — отвѣчалъ молодой чело-

вѣкъ.—Я былъ сегодня въ салонѣ Робеспьера.

— Вы тамъ были? Я васъ не видалъ.

— Я уже съ четвертаго сентября поступилъ въ бюро государственнаго управленія и такъ какъ Маратъ знаетъ меня за любителя театра, то я и былъ приглашенъ на чтеніе: я былъ въ углу залы. Вы меня не замѣтили, по я все наблюдалъ за вами. Берегитесь. Если не Робеспьеръ, такъ Маратъ не проститъ вамъ сегодняшняго вашего приговора. Если съ вами случится какая опасность, вспомните обо мнѣ.

И съ этими словами онъ оставилъ обоихъ актеровъ.

Когда комната Робеспьера опустѣла, Маратъ, оставшись наединѣ съ Робеспьеромъ и Сентъ-Жюстомъ, сказалъ:

— Ну, ты теперь видишь, какъ они всегда противъ насъ. И теперь ты станешь щадить?

— Еще не время, отвѣчалъ Робеспьеръ. — Ты хочешь погубить ихъ обоихъ; но мы не должны еще касаться ихъ головъ; кровь втораго сентября еще дымится.

— Венадопролить еще больше, — возразилъ Сентъ-Жюстъ. — Не мѣшкай. Демуленъ и Дантонъ довольно сильны, чтобы свергнуть тебя. Ихъ голоса пересилитъ твои... Развѣ ты позабылъ приговоръ актера?

— Антуанъ!—воскликнулъ подстрекаемый Робеспьеръ.

— О, эти актеры!—прошипѣлъ Маратъ,—Я велю ихъ схватить.

— Подумай, вѣдь они любимцы Парижа. Съ ними не легко справиться. Скорѣе комедіанты улицы Ришелье не влизвергли бы друга народа!

— Этотъ Дюгазонъ научится знать меня!—прошипѣлъ Маратъ.—Я приготовлю ему въ театрѣ порядочный скапдалъ; а когда онъ будетъ освистанъ, любовь публики въ нему поуменьшится. Эти комедіанты всѣ уже созрѣли для своего паденія.

— Ты хочешь осудить ихъ за приговоръ, высказанный ими о пьесѣ?

— Не я, а тѣ, которые всѣхъ судятъ, всѣхъ осуждаютъ, всѣхъ посылаютъ па гильотину, люди, вотъ здѣсь написанные.

И Маратъ вынулъ изъ-подъ своего грязнаго платья бумагу. Онъ положилъ ее на столъ, на которомъ Демуленъ читалъ свою пьесу. Бумага вся была исписана. Она была заглавіе: «Прокляты революціоннаго судилища для французской республики».

(До слѣдующаго №)

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г.

Въ Антрактѣ было сказано, что для бенефиса г-жи Медвѣдовой предполагается къ постановкѣ на московской сценѣ *Зимняя сказка* Шекспира. Позвольте чрезъ вашу газету напомнить тѣмъ, кому объ этомъ вѣдать, надлежитъ, что авторъ *Марты* и *Страдалцы*, Флоттовъ, написалъ къ этой пьесѣ хорошую музыку, изъ которой *Зимняя сказка* исполняется на германскихъ сценахъ. Можетъ быть и на нашей сценѣ захотятъ воспользоваться этою музыкою. Ее можно выписать чрезъ Theatrical-Agentur-Bureau Энтча въ Берлинѣ, Mohrenstrasse 34.

Старый театрантъ.

С М Ъ С Ъ.

Одобрены къ представлѣнію литературно театральнымъ комитетомъ, и препровождены на разсмотрѣніе театральной цензуры слѣдующія піесы: 1) *Провинціальныя городки*, ком. въ 4 дѣйствіяхъ, соч. Пикара, переводъ съ французскаго Егорова (пиканси Мещерскаго) и 2) *Семейные торжества*, ком. въ 4 дѣйствіяхъ, соч. Дымчико.

Г-жа Петипа намѣревается совсѣмъ оставить петербургскую сцену, на которую ангажирована танцовщица Сальвиони.

Въ Петербургъ ѣдетъ на зиму со всемірной выставки японская китайская труппа актеровъ и цѣлый восточный балетъ. Труппа эта состоитъ изъ тридцати сличномъ количествомъ и въ настоящее время находится уже въ Брюсселѣ.

Управленіе петербургскою Консерваторіею, на правахъ директора, предоставлено, съ утвержденія августѣйшей покровительницы Русскаго Музыкальнаго Общества, Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Книгини Елены Павловны, профессору Н. И. Заремба, такъ какъ бывший директоръ этой консерваторіи, А. Г. Рубинштейнъ, заявилъ окончательное свое намѣреніе оставить съ 1-го сентября этого года Консерваторію Русскаго Музыкальнаго Общества, а также и С.-Петербургъ.

Въ газетѣ *Голосъ* пишутъ, что въ Петербургѣ, съ разрѣшенія правительства, учреждается лотерея въ пользу петербургской Консерваторіи Русскаго Музыкальнаго Общества. Самый крупный выигрышъ въ ней составляетъ участокъ земли, принадлежащей Русскому Музыкальному Обществу на площади Александринскаго театра, близъ Невскаго проспекта, оцененный въ 40.000 рублей. Выигравшему эту землю, еслибъ онъ не пожелалъ оставить ее за собой, предоставляется получить тотчасъ послѣ розыгрыша наличными деньгами 35.000 рублей. Сверхъ того, будетъ еще 1.500 выигрышей цѣнностью отъ 5.000 до 5 рублей, состоящихъ преимущественно изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей и билетовъ, внутреннихъ займовъ съ выигрышами. Лотерейныхъ билетовъ будетъ выпущено 150.000 цѣна билета одинъ рубль.

Въ «Кіевск. Гел.» извѣщаютъ, что дирекціей кіевскаго театра командировано въ Петербургъ и Москву лицо, знающее хорошо музыку и оперное дѣло, для сформированія труппы для кіевской сцены русской оперной труппы.

Въ Петербургскія Вѣдомости пишутъ: «Жаловаться на недостатокъ удовольствій въ Варшавѣ было бы грѣшно. Не говоря о театрахъ, циркахъ, загородныхъ гуляньяхъ, אפשרетъ такъ называемыхъ огрудковъ (небодычныхъ садикахъ), въ которыхъ поютъ французскіе и вѣмецкіе нѣмцы, или играютъ музыка,—достаточно сказать, что въ

самомъ центрѣ Варшавы находятся два сада, изъ которыхъ саксонскій, по обширности и великолѣпію, могъ бы служить украшеніемъ любой столицы. Словомъ, удовольствій въ Варшавѣ встрѣчаются на каждомъ шагу, а главное—они достаются дешево. Въ Волыномъ театрѣ кресло первыхъ рядовъ стоитъ рубль двадцать копѣекъ. Билетъ для входа въ Швейцарскую Долину, гдѣ играетъ прекрасный оркестръ, обыкновенно приглашаемый на лѣто изъ-за границы,—двадцать копѣекъ».

Н. П. Чернышевъ, въ 1839—60 г. игравшій на московской сценѣ, теперь уѣзднымъ могилевскимъ предводителемъ дворянства въ Каменецъ-подольской губерніи, но, не смотря на свои служебныя занятія, въ прошломъ году ѣздилъ въ Одессу и на тамошней сценѣ игралъ роли Ромлы (*Дѣло изъ жизни художника*) и Гамлета, причемъ роль Офеліи исполняла примадонна одесской итальянской оперы г-жа, Маесина. Кроме того, г. Чернышевъ недавно играетъ на могилевской сценѣ.

Въ *Times* пишутъ изъ Парижа, что извѣстный испанскій тореадоръ Лагартисъ погибъ жертвой своего опаснаго занятія. На недавно происходившемъ боѣ быковъ въ Пуентѣ-Хепилъ, Лагартисъ съ брызжущимъ искусствомъ совершилъ нѣсь представленіе и, назавось, покончилъ совсѣмъ быкомъ ловкимъ ударомъ шпана, но когда онъ обернулся, чтобы поклониться рукоплескавшимъ зрителямъ, быкъ, къ сожалѣнію, предсмертнымъ усиліемъ, бросился на него и, вонзивъ рога въ плечо несчастнаго тореадора, убилъ его на мѣстѣ.

ОТЪ КОНТОРЫ И. В. ЮНКЕРА И К^о.

ТАБЛИЦА

главныхъ выигрышей 2-го внутренняго 5% займа съ выигрышами вышедшихъ 1-го Сентября 1867 г.

№ Серіи:	№ Билета:	Выигрышъ:
» 14091	» 6	200,000 руб.
» 1367	» 2	75,000 »
» 9545	» 18	40,000 »
» 14728	» 27	25,000 »
» 7081	» 6	10,000 »
» 14001	» 10	10,000 »
» 8443	» 43	10,000 »
» 1345	» 50	8,000 »
» 16139	» 31	8,000 »
» 11786	» 6	8,000 »
» 10674	» 30	8,000 »
» 19693	» 18	8,000 »
» 11679	» 31	8,000 »

Выигрышныя суммы уплачиваются по полученіи официальныхъ таблицъ въ конторѣ

И. В. Юнкера и К^о.